

Прогнозирование можно считать и стадией планирования, так как оно характеризует контуры будущего, без чего нельзя разработать программу действий. Вместе с тем прогноз вероятностен и многовариантен, что обусловлено наличием неопределенностей в отображаемой им будущей действительности. Не определяя параметры развития с достаточной точностью, прогноз раскрывает альтернативы, положительные и отрицательные тенденции, противоречия и намечает условия, при которых обеспечивается решение поставленных задач.

В случае, когда имеется несколько путей реализации замысла, разрабатываются сценарии возможного развития. Сценарий – это описание будущего, составленное с учетом правдоподобных положений; он разрабатывается для определенной совокупности условий будущего развития. Необходимость составления сценариев заложена в вероятностном, вариантном развитии. Прогноз обычно имеет несколько сценариев, в том числе оптимистический, пессимистический, оптимально-реалистический. Прогнозный сценарий – это гипотетическое пошаговое описание причинно обусловленной последовательности событий – этапов трансформации объекта прогнозирования и (или) его среды.

Научное прогнозирование опирается на познанные объективные закономерности, логику, качественную информацию, математические методы. Оно отличается от предсказаний, базирующихся на ясновидении, интуиции, имеющих эвристический характер, или на астрологии и разных способах гадания. Современная наука не отрицает способность творческого видения будущего как природного дара, рассматривая ясновидение в качестве сверхчувственного восприятия, экстрасенсорной, только ему доступной способности человека получать информацию.

Практика использования исторического опыта в построении прогнозов и концепций развития общества говорит о возможности строить на его основе сценарные модели, с достаточно высокой степенью вероятности предсказывающие спектр направлений развития общественных систем различного уровня.

Литература

1. Соловьев А. И. Российские трансформации // Россия в условиях трансформации: Историко-политологический семинар. М., 2002. Т.19.
2. Пихоя Р. Г. Востребованная временем история // Новая и новейшая история. 2004. №2.

С. З. ГОНЧАРОВ

ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ОСНОВ ИННОВАЦИОННОГО СТИЛЯ ЖИЗНИ, СУБЪЕКТНОСТИ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Под инновацией понимают реализацию научных разработок, дающую качественно высокий эффект, в частности уменьшение трудозатрат. Инновации, как правило, есть общепольное и общественноинтересное обновление техники и многообразных технологий в сферах экономической, управленческой и иной. Под инновационным стилем жизни и мышления мы понимаем

объективно обусловленную и субъективную *разделяемую установку людей на обновление* не только в профессиональной, но и во *внепрофессиональной* областях, не только условий и средств жизни, но и всей *субъективности* – подсознания и сознания, содержания реальной жизни и духа. Цель данной статьи – раскрыть путем исторического сравнительного анализа основы инновационного стиля жизни, который предполагает *креативную* личность, ее именно *субъектные* качества.

Люди обновляют себя действительным образом тогда, когда они практически обновляют предметный мир богатства, формы деятельности и содержание общения, а значит и мышления. Есть основание полагать, что XXI век станет поворотным в ритмике социальных и душевно-духовных процессов. Ритмы жизни будут ускоряться, и инновационный стиль жизни станет доминирующим.

Прежней России, отмечал И. А. Ильин, не будет. Будет новая Россия. Но по-прежнему – Россия. Эта мысль предполагает синтез традиции и процессов обновления. *Традиции без их обновления* ведут к застою, окостенению социальных и культурных форм. В итоге создается ситуация некоей окаменелости жизни, гаснет инициатива, уменьшается доля самодетельности, и утверждаются репродуктивность, исполнительство, повтор прежних форм жизни. Инерция традиции исходит из сознания, ставшего работать по репродуктивным схемам. С другой стороны, *модернизация вне традиции*, как правило, заканчивается *имитацией* внешней формы без переделки существенного содержания, как это происходит в современной России, например, в экономике или образовании. В Германии основательность немецкого образования подточена современным либерализмом. Необходима мера в синтезе традиций и инноваций.

Типы строения производства, общественных отношений и общественного сознания

Можно выделить три исторических типа социальности – *субъективный* (докапиталистический период), *объективный* (буржуазный период) и *субъектный* (*универсальный*), исходя из производства, общественных отношений и общественного сознания.

Субъективное строение производства включает инструментальный этап техники и ручной труд, оно привязано к телесно-психическим особенностям работников и базируется на эмпирических навыках совместного труда; применение орудий зависит от индивидуального мастерства, от «силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего» [7, с. 350]. Мыслительные схемы, обслуживающие труд эмпиричны и локальны. Работник остается *главным технологическим* фактором. Целью производства является *потребительская стоимость* (Т–Д–Т). Эта цель не содержит установки на *выход за пределы исходного пункта*. Ориентация на потребительскую стоимость консервирует социальные отношения, порождает узко локальные общественные и мыслительные формы. Субъективное строение присуще и *общественным отношениям*, где доминировала *личная зависимость*, переходящая в политическую. Земельная собственность не выступает как

господство голого капитала. Обрабатывающие земельное владение феодала находятся не в положении «*наемных поденщиков*»; напротив, они относятся к феодалу частью как крепостные, частью состоят к нему «в отношении почитания, подданства и определенных повинностей». Хозяин земли окружен «некоторым романтическим ореолом». Господское величие срослось с земельным владением, к которому у него относятся как «к своему отечеству». Личное господство феодала непосредственно переходит в политическое отношение, которое еще сохраняет «некоторую *эмоциональную* сторону» [6, с. 81].

Установка на потребительскую стоимость, разбросанность населенных пунктов, отсутствие надежных путей сообщения тормозят *социальный обмен*, локализуют общение и общественные отношения, уменьшают плотность социального времени. «Нравы, характер и т. д. меняются от одного земельного участка к другому; они как бы срослись с клочком земли» [6, с. 81]. Из-за местного и замедленного ритма общения, всех коммуникаций отсутствовал общий стандарт мер пространства и времени, веса и др., «абстрагированных от конкретной ситуации» [2, с. 50]. Локоть, пядь, палец – отмечает А. Я Гуревич, – обычные меры; пространство средневекового человека не абстрактно и не однородно, но индивидуально и качественно разнородно [2, с. 92]. Время воспринималось тоже в его предметной наполненности местными событиями и не отделялось от них. Взгляд на пространство и время как на нечто однородное возникает в Новое время с развитием мастерских, меновых отношений, с усилением центральной государственной власти, с введением общей монеты. Входящие в XV веке в массовый обиход механические часы знаменуют «зарю» буржуазного общества. Что было бы без часов, восклицает К. Маркс, в эпоху, когда решающее значение имеет стоимость товаров, а потому и рабочее время, необходимое для их производства [8, с. 418]. Начинается переход «ко времени купцов», а средневековая поговорка «нет земли без господина» вытесняется новой – «деньги не имеют господина». «Локальное время разъединило, тогда как общегосударственное, а затем и зональное время сделалось средством сплочения. Возникает единое темпоральное мышление» [2, с. 138]. Субъективное строение производства и общественных отношений задает и *субъективное строение сознания* с весьма малым удельным весом объективного понимания. В понимании реальности понятия носят эмпирический характер. В духовной сфере *ценностное* миропонимание *доминирует* над *логическим*, т.е. реальность берется, в первую очередь, по отношению к *потребностям и интересам* человека, в аспекте ее значимости для людей, для той или иной общности. Ценностные компоненты (религиозные, эстетические, нравственные) вплетены в понятийное мышление. Скрытые, невидимые связи истолковываются по образу и подобию субъективности человека – по аналогии с его действиями, чувствами, стремлениями, т.е. *явно антропоморфно*. Это проявляется в обильном использовании метафор, образов, наглядных сравнений, пословиц, поговорок, легенд и мистических наслоений. Рациональное мышление еще не освободилось от цельности мифа и от его суггестии. Политико-правовые формы вырастают из обычаев и традиций, из нравственных интуиций и функционируют в их материале, т.е. право носит еще

естественный, а не позитивный характер. В целом, в сознании еще не сложился устойчивый способ мыслить и воспринимать реальность по схеме «*объект-субъект*». Такая схема предполагает систему посредников как в отношении субъекта к природе, так и в отношениях между субъектами. Однако замедленные темпы внешней жизни сопровождались *интенсивной внутренней* жизнью – все Средневековье Европы и России наполнено духовным деланием по образу Божию.

Объективное строение является качественно иным. Производство основано на *машинном базисе* и на всеобщем развитии *меновых отношений капитала*, оно включает технологическое применение науки и репродуктивный труд рабочих. *Объективное строение присуще и общественным отношениям* в виде *вещной* зависимости и *общественному сознанию*, в котором *объективное понимание* реальности (наука) утверждается как единственно верный способ ориентации в мире и истолкования реальности.

Применение машин меняет субъективное строение производства на *объективное*. Ибо центр тяжести смещается с живого труда на опредмеченный, с рабочей силы – на предметные органы труда. «Субъективный принцип разделения труда отпадает», технологический процесс разлагается «объективно» применением механики, химии и т.д. [7, с. 391]. Разделение операций между работниками мануфактуры сменяется разделением операций между машинами. Возникает кооперация и система машин. Тем самым исполнение операций освобождается от прежних *ограничений* человека. Теперь рабочий орган машины совершает «те самые операции, которые раньше совершал рабочий» [7, с. 385]. Операции, для выполнения которых прежде требовался «виртуоз», выполняются теперь превращением однородного движения двигателя в «утонченные» операции, совершаемые рабочим органом. Такое превращение абстрактного движения двигателя в конкретное движение рабочего органа машины осуществляется простым приемом – нажатием на педаль, кнопку и т.п. Технологическое применение науки возможно при таких условиях, когда абстрактные логические операции воплощаются в природном материале с полным сохранением их формы. Это возможно при механизации операций. Теперь рабочий опосредствует своими движениями движение самих трудовых операций, переданных машине. *Операциональный* аспект труда выступает на первый план, уменьшая долю вещественно-мускульного аспекта труда. Длющиеся во *времени* операции опосредствуют операции, *опредмеченные* в машине. Возникает *практическое операциональное* поле, рефлексированное (отраженное) внутрь себя в лице работника, например оператора. С резким увеличением доли операционального опосредствования в труде возрастает опосредствование в мышлении, обслуживающим труд. *Рациональные и опосредствованные структуры мысли превращаются в самостоятельное устойчивое образование*, освобождаясь от диктата чувственных данных. Это внутриспсихическое «операторное» образование базируется, конечно, на сложившейся в производстве *надындивидуальной системе операций*, ставшей технологическим фактором и материально, и идеально (терминология, технологические карты и др.). В виде

производственного машинизированного процесса опредмеченные операции противостоят работнику в пространстве, и он относится к ним *со стороны*, что содействует выделению субъекта из сети этих операций и *объективному* их осознанию. Объективное строение производства резко повысило степень объективности и рациональности в мышлении и составило основу нового мышления в Новое время – собственно научного мышления. Операциональность мышления, машинное производство ведут к бурному развитию *математики* и математизированного естествознания, где утверждается рациональная обработка эмпирических данных (Галилей, Ньютон и др.). Утверждение рационального типа мышления рождает в философии Нового времени острую полемику между *рационалистами* и *сенсуалистами*.

Но более конкретное влияние на субъективный мир человека, в частности на его мышление оказывали объективное *строение общественных отношений*, в первую очередь *экономических*. В рамках частной собственности обменываемые продукты принимают особую ценность – *ценность для обмена, форму товара*. При капиталистическом производстве товарная форма становится *всеохватной*. Товар вступает в отношение со всем миром товаров. Производство прибавочной стоимости развивает общественные отношения ко все большей *универсальности*. Ибо деньги, всеобщее средство обмена, не привязаны к национальной, политической и иной общности. Деньги рвут локальные связи, распространяют обмен по всему земному шару. Для реализации прибавочного продукта необходимо расширять рынок и разнообразить уже имеющиеся потребности. Капитал, замечает К. Маркс, преодолевает национальную ограниченность, традиционное удовлетворение потребностей, воспроизводство старого образа жизни, сокрушает преграды развитию производительных сил, расширению и обновлению потребностей и создает общественную ступень, по сравнению с которой все прежние выступают как «локальное развитие человечества» [5, с. 387]. *Растущая универсальность общения и общественных отношений – ближайшая причина всеобщности и универсальности мышления*. Такие отношения выдергивают индивидов из ограниченных местных условий, втягивают во всеобщий обмен деятельностью, разнообразят потребности и через них расширяют горизонт сознания, генерализируют мышление, логические категории, которые прямо вытекают из «*наших отношений*» [9, с. 45].

Всеобщее развитие меновых отношений привело к *объективному строению общественных отношений*, к *тотальному овещению социальности*. Их объективное строение зиждется на *вещной зависимости*, при которой образуется «система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей» [5, с. 101]. В деньгах общественные отношения и могущество представлены в виде *внешней вещи*, которой можно завладеть механически. Манипулируя такой чувственно-сверхчувственной вещью, можно изменять свои общественные отношения и свое социальное положение, относиться к ним *со стороны*. Как передача трудовых операций машине способствовала их объективному осознанию, так и овещение отношений содействовало *выделению субъекта из их сети и их объективному осознанию*,

хотя и с издержками превратного характера – фетишизмом, сведением ценностей до голый полезности и иными иррациональными формами. Но чтобы овладеть общественными отношениями и осознать их объективно, необходимо было противопоставить их как нечто объективное и независимое. Как орудие абстрагируется от индивидуальных черт рабочего, так и овещенные отношения делают то же самое – они накладывают на индивидов печать той или иной социально-экономической формы с определенными параметрами функций, игнорируя индивидуальные особенности меняющихся лиц-персонификаторов. Формализованные отношения формализуют и индивидов. *Абстрактно-всеобщее и безличное понимание распространяется и на природу и утверждается как характерная черта научного мышления Нового времени.*

Меновые отношения капиталистического производства породили особую реальность – *абстрактную деятельность*, что также обусловило абстрактно-всеобщее понимание действительности в естествознании Нового времени. Ведь капиталу труд противостоит не как определенный конкретный труд, а как *всякий труд вообще*, безразличный к своей определенности, но способный к любой определенности [5, с. 247]. Капитал делает ставку на *количество* труда. Качество труда ему интересно постольку, поскольку необходимо реализовать товар на рынке. В этом и состоит *главная причина всех негативных следствий для самого капитала*. Измерение абстрактного труда нуждается в однородной мере – *однородном* времени. В массовое сознание внедряется взгляд на время как на нечто однородное. Влияние стихии абстрактной деятельности на мышление Нового времени раскрыто Л. М. Косаревой [3].

Меновые отношения резко повысили степень *опосредствования* общественных отношений, *динамизировали* социальные процессы, утвердили в массовом сознании подвижные опосредствующие и обобщенные структуры мышления, невозможные в традиционных аграрных обществах феодальной эпохи. Экономические отношения производства кроме общих элементов (производство–обмен–распределение–потребление) включают все новые звенья-посредники. Каждый раз новым посредником является форма *меновой стоимости*, персонифицированная в *капиталисте, купце, маклере, банкире, финансисте*. Соответственно растет по спирали и степень опосредствования – более высокая форма опосредствования в качестве капитала повсюду полагает более низкую. Содержанием опосредствования является следующее. Исходное единство потребительной и меновой стоимостей, заключенное в товаре, *разъединяется*, и между этими противоположностями вклиниваются *новые посредники*; единство между данными противоположностями восстанавливается лишь в рамках обширного процесса опосредствования, так же, как единство между положительным и отрицательным зарядом в опосредствованной электрической цепи. Так, между товарами вклиниваются *деньги*, между промышленным капиталом и потребителями встает *купец*, представляющий торговый капитал, внутри торговли появляется *оптовый торговец* – посредник между фабрикантом и розничным торговцем или между различными фабрикантами. *Товарный маклер* в свою очередь опосредствует фабрикантов и оптовых торговцев. *Банкир* представляет стоимость по

отношению фабрикантам и купцам; на высшей ступени *финансист* встает как посредник между государством и буржуазным обществом в целом. На самой высокой ступени опосредствования (финансовый капитал) богатство предстает в виде самовозрастающей стоимости в *самом абстрактном, метафизическом, воображаемом* виде, «в наиболее сумасшедшей форме это выступает у финансиста» [5, с.290]. Капитал превращается в процесс и в систему процессов – в круговорот капиталов денежного, промышленного, торгового, финансового. С превращением экономического основания общества в текучий процесс опосредствования динамизируются все вторичные и третичные общественные отношения, все части надстройки и соответствующие им формы сознания. Возникает практико-функциональное мышление, способное *опосредствовать и соединять воедино далеко отстоящие друг от друга звенья обширных процессов*. Не результат процесса, а сам *длящийся процесс* выступает в мышлении на первый план, например, в *диалектике* Гегеля и Маркса. В диалектической философии этих мыслителей интенсивно выражена динамика социальных процессов.

Там, где меновые отношения и соответствующие им социально-правовые формы, получают относительное развитие, разлагаются архаичность, традиционность, локальность производства и общения с их установками на потребительную ценность, на воспроизводство прежнего образа жизни. Рвутся отношения личной зависимости, расширяется диапазон общественных отношений, генерализируются формы мышления, упрочняются абстрактно-рациональные структуры мысли. Это верно и по отношению к обществам *добуржуазной эпохи*. Античный полис базировался на земельной собственности, труд носил сельскохозяйственный характер, а в театре Афин в качестве зрителей сидели земледельцы. Особенный вид деятельности (земледелие) представлял собой ее специфическую *общественную* форму: чтобы быть *гражданином* полиса, надо быть *земледельцем*. Античных авторов в анализе разделения труда «интересует лишь обилие потребительных стоимостей» [7, с. 378]. Сращенность с особым видом труда и с общиной определяла горизонт сознания индивида и накладывала печать традиционализма на мышление. Самостоятельное размышление, претендующее на всеобщность и на выход за рамки традиции, там, где оно имело место, выступало в завуалированном виде, ссылалось на авторитет. Это обстоятельство подтверждается институтом оракулов в частной и общественной жизни греков. Даже такие великие индивидуальности Древней Греции, как Солон и Фемистокл, обращались за санкцией на свои решения к Пифии. Анаксагор еле унес ноги от разгневанной толпы, когда попытался толковать скопление звезд не в мифологической, а в рациональной форме. Сократ за свое вольномыслие поплатился жизнью. В связи с ролью института оракулов Гегель отмечал, что для самостоятельных решений нужна выработанная субъективность воли, но у греков еще не было этой мощи и силы воли. *Сращенность деятельности с природно-вещественным материалом порождала и сращенность мышления с конкретно-чувственными представлениями о первоначале* – воде, огне, земле и др. Категориальные

формы мысли высвобождаются из чувственного материала в период кризиса полиса – «полного развития денег» [5, с. 40]. В это время творили Платон и Аристотель. В условиях относительно развитых товарно-денежных отношений возникли чеканные, математически точные формулировки римского права – определения «юридического лица, а именно обменивающегося индивида» [5, с. 192]. Эти определения были столь совершенны, что за десятки столетий римское право предвосхитило нормы, пригодные для буржуазного общества и «в противоположность средневековой оно с необходимостью было выдвинуто на первый план в качестве права восходящего буржуазного общества» [5, с. 192]. Абстрактно-формальный характер римского права был порожден товарно-денежными отношениями и между свободными и гражданами Римской империи.

Нормы Римского права не были востребованы в период Средневековья в силу особой социальности этого периода. В период Средневековья доминирует сельское население, привязанное к земле натуральным хозяйством, которое ориентировано на *самоудовлетворение* основных потребностей; даже цеховое производство города окутано регламентациями и целью имеет не меновую стоимость, а продукт для потребления. Ростовщичество воспринималось как занятие нравственно нечистое. «Ограниченность производства рамками данного потребления есть здесь закон» (10, с. 85). Между работником и природой нет развитого опосредствующего звена – системы орудий. Подчиняясь природным ритмам, человек, пишет А. Я. Гуревич, вряд ли был способен «взглянуть на природу со стороны». В средние века «субъектно-объектное отношение человека к внешнему миру было невозможно» [2, с. 49].

Мы попытались показать, что за *объективностью, рациональностью, всеобщностью, опосредствованностью, операциональностью и конструктивностью* мышления скрывается вполне определенная социальность – фабрично-заводской уклад труда и меновые отношения капиталистического производства. Поскольку капитализм утвердился в классической форме в протестантских странах Запада, то крупнейший западный социолог М. Вебер весьма точно выразил *эталонный* тип социальных действий западного человека – «целерациональное» социальное действие. Капиталистический способ производства уже в современных условиях обнажает свою ограниченность. На Западе молодежь бьет стекла витрин с лозунгами «Долой империализм!». Абсолютным пределом для капитала является *узость его экономической формы*, сковывающей самостоятельность и самореализацию общественного человека. Стоимостная форма продукта будет и в обозримом будущем. Благодаря стоимости можно устанавливать *пропорции в обмене* товарами. Однако превращение стоимости в *самоцель* производства, сведение полноты жизни и труда к стоимостному индикатору есть та *уязвимая пята* капитала, через которую капитал будет подвергаться эрозии, размыванию. На первый план выйдет не абстрактный, а *конкретный* труд. Стоимость сохранится в качестве учета трудовых затрат, а не как цель производства. Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это историческая смута в сознании. Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы

человека) превратился в *средство* созидания *богатства вообще*, в созидание «сумасшедшей» формы богатства (финансовый капитал). Разве это не помрачение сознания? Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную – оценку. Получилось, что стоимостная форма богатства утвердилась как самоцель! Ныне сами деньги стали особым товаром со всеми вытекающими и спекулятивными и *паразитическими* последствиями. Это – деградация капитала как такового. Современный буржуа отстраняется от *продуктивной экономики*, он увлечен спекуляциями на денежном рынке, игрой в «финансовые пирамиды».

Субъектное (или универсальное) строение производства, общественных отношений и сознания закономерно вырастает из предшествующей стадии. Производство средств жизни все более основывается на автоматизированной техносфере с наукоемкой техникой, которая предполагает и *наукоемкий интеллект* работников со всеобщим *высшим образованием*. Благодаря передаче технике интеллектуальной функции управления машиной техносфера подлежит постоянному обновлению, а значит работник поставлен в условия постоянного обновления своей профессиональной подготовки. Меновые отношения сбросят свою загадочную товарную форму: за движением товаров люди будут видеть *движение своих собственных трудовых затрат*. В общественном сознании рассеется товарный фетишизм. На первый план выйдет не производство средств жизни (материальное производство), а *культурное воспроизводство* поколений, поэтому социальная сфера общества будет главной (то, ради чего). Культурное воспроизводство людей станет главным *содержанием общественных отношений*, и тем самым отношения между людьми станут *непосредственно-общественными*, без анонимности разного рода факторов, которые вступают между собой в особые надчеловеческие отношения. Иными словами, общественные отношения перестанут выступать для сознания в их овещенной форме. Политическая сфера общества тоже подвергнется дефетишизации. Социальные институты, окончательно надоев гражданам своей бюрократической замкнутостью и самовоспроизводством в расширенном масштабе, снова примут социально ясную функцию – *как органы коллективной воли для самоорганизации и самоуправления граждан*. Ценностно-нейтральный стиль объективного научного мышления избавится от этой односторонности: объективное понимание реальности будет дополнено равноценным компонентом – *ценностным пониманием и переживанием реальности*; разум и сердце – это два крыла духовного полета творческой индивидуальности, не изуродованной технической цивилизацией в одномерный логический интеллект. Одним словом, современная техногенная цивилизация медленно преобразуется уже ныне в *антропогенное* общество, когда люди будут производить свою субъективность во всей культурной полноте, производя *заодно* холст, лен и общественные отношения. Субъектность, субъектные качества личности станут императивом так же, как сегодня, прежде чем кем-то быть, надо вначале быть гражданином того или иного государства. *Престижность* закрепится за *субъектными* качествами человека, который,

обогащая себя культурно, обогащает тем самым и других, вступающих с ним в общение.

Рассматривая положение человека в истории, Маркс выделяет три «Формы общества» или «ступени»: «отношения личной зависимости» (добуржуазные формы общества), «личная независимость, основанная на вещной зависимости» (буржуазная социальность), при которой образуются «система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»; «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние» – такова третья ступень. «Вторая ступень создает условия для третьей» [5, с. 100-101]. Субъектность станет и уже становится важнейшей характеристикой личности именно потому, что ранее выработанные продуктивно-творческие и производительные силы людей уже развились настолько, что частная *монополия* на их присвоение стала очевидным *тормозом* общественного развития. И новые поколения справедливо восстают против такой подлой монополии на образование и культуру. Наступает с необходимостью период превращения коллективно развитых продуктивно-творческих сил в индивидуальное достояние каждого, в целом – в общественное достояние. И такая тенденция будет усиливаться. Как опредмеченный труд произведен от труда *живого*, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Необходимо подчинить вещный капитал *человеческому капиталу*. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить *самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа*. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в *креативно-антропогенную сферу* – в образование, культуру, социальную инфраструктуру.

Объективные основы ускорения социокультурной динамики и инновационного стиля жизни

К таким основам следует отнести технологию, меновые отношения капиталистического производства и *растущий удельный вес человеческих индикаторов производства*, особенно самостоятельности, соревнования и самообновления людьми своей субъективности.

1. Темпы обновления материальной техники претерпят в XXI веке резкое ускорение. Развитие техники определяется той *технологической функцией*, которая ей передается от работника. Инструменту была передана функция *непосредственного воздействия* на предмет труда. За работником закрепились функции движения и управления инструментом. Инструментальный этап техники был основным в период докапиталистического производства. Это производство имело *субъективное строение*, так как главной фигурой в нем оставался ремесленник или работник мануфактуры (т.е. тот же средневековый ремесленник, ставший односторонним, прикованным к той или иной операции). Машине была переданы *функции движения* (двигатель) и *управления инструментом* (рабочий орган машины). Машины стали технологическим базисом капиталистического производства. За работником осталась функция

управления машиной. Производство получило объективное строение, ибо главным стала машина. Разделение труда между работниками сменилось разделением технологических функций между машинами. Наконец, автомату передается *функция управления машиной*. Работник теперь выключается из производства как *непосредственный технологический агент*. Он становится рядом с ним как его контролер и регулировщик. С середины XX века автоматизированное производство начинает захватывать один сектор производства за другим. Передача функции управления машиной означает *революции* в развитии техники, ибо ей впервые передается *интеллектуальная функция*. Производство становится, образно выражаясь, на голову. Благодаря созданию компьютера эта функция усовершенствуется с поразительной скоростью. Человечество медленно входит на порог технологического скачка: подобно тому, как двигатель внутреннего сгорания революционизировал технологический базис общества и привел к машинному производству, к качественному обновлению экономической, социальной, политической и духовной сфер общества, так и компьютерная техника уже порождает качественные изменения в этих сферах. Изменяется профессиональная структура общества: происходит сокращение количества работников, занятых в сфере материального производства средств жизни и резко увеличивается количество работников в сферах культурного воспроизводства людей. Изменяются также формы собственности, содержание труда, престижность тех или иных специальностей, социальная структура общества, политические ориентации социальных групп, обновляются и те «объективно-мыслительные формы» (Маркс) в духовной сфере, которые непосредственно обслуживают (направляют и регулируют) функционирование всех звеньев общественного жизненного процесса. Деление истории на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды есть стыдливое признание западными социологами теоретического положения Маркса о роли технико-технологических революций.

Эти изменения будут осуществляться намного быстрее потому, что технике передана *интеллектуальная функция*. Данное обстоятельство будет *интенсифицировать* и убыстрять процессы в сферах научной, образовательной, производственной и экономической, социальной и политической.

2. Благодаря созданию интеллектуально емкой техники наука получила адекватный себе технологический базис для реализации научных разработок и превратилась в ведущий идеальный компонент производства. Теперь техника проектируется не под давлением эмпирических обстоятельств, а планомерно создается на основе закономерностей, которые вообще не даны в обыденном опыте (лазеры и др.). Наука как разновидность духовного производства превратилась в ведущий фактор общественного труда. Поскольку уровень развития техники связан с передачей ей продуктивно-творческих сил человека, а в такой «трансплантации» нет предела, то темпы обновления техники неминуемо будут убыстряться по мере *антропологизации техники*, т.е. последующей передачи ей от человека функций сенсорных и др. «Онаученная», интеллектуально емкая техника предполагает и «онаученного» работника.

Интеллектуальное обновление техники и технологий обязывает работников, систему высшего образования к *опережающей* интеллектуальной подготовке и к высшему образованию.

3. Развитие техники имеет свои закономерности. Но *побудительным конечным мотивом к ее развитию является экономическая форма производства*. Капиталистическое же производство содержит стимул *выхода за пределы достигнутого*. Такой стимул заключен в формуле $T - D - T$. Капитал есть *самовозрастающая стоимость на основе производства и при посредстве обращения*. Прибавочная стоимость может производиться или экстенсивно, или интенсивно – путем *обновления* продукта для создания *новых потребностей* и тем самым путем создания *новых секторов* рынка и путем убыстрения обращения. Убыстряя свой оборот, капитал *повышает* скорость *социального обмена*, процессов *коммуникации*. Обновляя продукт для завоевания рынка, капитал тем самым *обновляет* потребности, чувства, наслаждения, т.е. обновляет психические процессы. Ставка на скорость внедрения научных разработок (инновационный процесс) ради прибыли резко *интенсифицирует* интеллектуальные процессы в науке и в структурах организационного и управленческого сопровождения инноваций, и такая интенсификация неизбежно превращается в общегражданское состояние.

4. Скорость обращения капитала требует адекватного *коммуникативного* обеспечения: экономическое пространство покрывается сетью железнодорожных, транспортных, авиационных и информационных путей, которые постоянно *оптимизируются* ради быстроты коммуникаций. Не только скорость внедрения новых разработок, но и обновление продукта побуждают к повышению продуктивности мышления – к созданию общеинтересного нового продукта, который бы производился оптимально во времени с должной скоростью операций технических систем при минимальных затратах. Так капитал в погоне за прибылью на основе обновления техносистем и убыстрения своего обращения резко повышает *плотность социального пространства и времени*: ибо увеличивается количество интеллектуальных, производственных и иных общественно значимых операций на единицу пространства и в единицу времени. В условиях капиталистического производства в большинстве стран производство в мировом масштабе переходит с необходимостью на *интенсивный путь развития в форме перманентных инновационных процессов*. Конкуренция обязывает.

5. Для успешного обслуживания инновационных процессов в сфере производства и обмена необходимо обновление на основе научных разработок социальных технологий в области управления людьми и социальными институтами, а такое обновление превращается в необходимый профессиональный компонент всего персонала.

6. Выше мы рассматривали капитал в его опредмеченной форме – как обращение товаров и денег. Однако за вещной оболочкой капитала скрывается его *субъективная субстанция – труд*. Капитал есть накопленный труд и, сам по себе он не имеет иного субстрата. А труд есть реализация *способностей и умений*. Самовозрастание капитала означает в итоге самовозрастание живого

труда, увеличение его количества и *обновление его качества* – способностей и умений, потребностей и чувств. За формулой Д – Т – Д' скрывается схема воспроизводства и обновления субъектов труда – схема расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*. Следовательно, конкуренция капиталов есть в итоге *соревнование субъектов труда по поводу оптимальной реализации своих способностей и умений, а обновление капитала – обновление этих способностей и умений. Тенденция капитала – выход за пределы достигнутого – означает и выход субъектов за пределы уже реализованных возможностей и потенций к новым возможностям и смыслам. Так мы выходим на сугубо антропологический аспект капитала. Как же осуществляется отмеченный нами креативно-человеческий аспект капитала? Он реализуется как самодеятельность и соревнование между людьми.*

Субъективные основы ускорения социокультурной динамики и инновационного стиля жизни

Деятельность направлена на изменение *внешнего предмета* и может быть несвободной, вынужденной внешними мотивами. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*, т.е. противоречие между деятельностью опредмеченной и деятельностью актуальной. Изменять же схемы собственной деятельности человек может при условии, если он выносит их во внешний план, ставит их перед собой, опредмечивает. Поскольку предметом самодеятельности являются *способы человеческой же деятельности*, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, *к человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете» [6, с. 121]. Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т.д. *самоустремлены*; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*» [6, с. 160].

В самодеятельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем *выхождения за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выхождение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным, исполнительским и творческим содержанием труда, между «я» вчерашним и «я» сегодняшним. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам

самореализации. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она – адекватная форма самореализации личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта» в созидании общеинтересной и полезной новизны.

Присущее самодеятельности выхождение за пределы исходного пункта выражается в отношениях между субъектами – в *соревновании*. Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенциалов лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность» [7, с. 337]. Важно понять *креативно-антропологическую* и *общесоциологическую* природу соревнования, столь важную в *управлении* и в повышении *творческого потенциала* персонала. Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. *Без признания статуса личности в общественном сознании, нет и статуса*. Быть социально значит быть признанным! Здесь-то и возникает сущностное *противоречие*: все стремятся быть признанными *достойным* образом. Отсюда возникает соревнование. Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенциалов лиц и коллективов*. Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди – существа общественные. И мерой для оценки одного человека выступает другой. В соревновании люди практически сравнивают себя в общем деле по своим способностям и умениям. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие* качества. Это – *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например, стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами, и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*. Соревнование есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание* своей *социальной значимости*.

Соревнование противоречиво. В нем каждый идеально полагает себя *равным* с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него в виду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании с *равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*. *Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя*, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Так противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта

с самим с собой, импульсируя к саморазвитию. Сила характера проявляется в способности выдерживать такие созидательные противоречия и творчески разрешать. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивной самореализации способностей и умений. Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и внепрофессиональные, экономические и политические. Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование. Но к нему их побуждают потребители услуг. Если в кабинет одного врача очередь, а к соседу-коллеге не идут пациенты, то происходит практическое сравнение качества услуг двух врачей. Вузы в России стремятся быть конкурентоспособными на рынке образовательных услуг. В такое отношение их ставят потребители услуг. Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизано соревнованием.

Мы раскрыли имманентную и глубинную противоречивость самодеятельности и соревнования и попытались показать, что такая противоречивость *созидательна и креативна*. Такая противоречивость и есть *самая глубинная основа вечной тенденции самообновления социальности во всей истории*. Ведь самодеятельность и соревнование суть самоотношение и самоизмерение социальности. Когда мы вес яблок измеряем весом железной гири, то силы тяжести соотносят и самоизмеряет самих себя посредством нашей головы. То же происходит в актах самодеятельности и соревнования: социальность соотносит себя с собой путем сравнения умений различных лиц и коллективов. Это – вечная игра социальных сил людей. В государственной политике в области международных отношений остро чувствуется такое самоотношение человеческой социальности в мировом масштабе в форме практического сравнения интеллектуального и духовного, культурного и профессионального потенциалов различных народов. Не менее остро такое самоизмерение раскрыто в сферах науки и искусства, не говоря уже о спорте.

Соревнование есть такое *противоречие, которое, как и всякое реальное противоречие, не разрешается окончательно, а принимает все новые и новые формы*. Изменяются лишь временные формы согласования противоположностей, само же противоречие имманентно и неистребимо, *коль речь идет о субъектах, обладающих самосознанием и волей*. Задача для каждого из них как раз и состоит в том, чтобы уметь понимать и разрешать противоречия мыслью, словом и делом. Мышление тогда творческое, когда оно умеет разрешать противоречия, вынося его на более высокий уровень. Эти объективные и субъективные основы обновления приводят к пониманию глубинного антропологического закона – закона самообновления людей.

Самодеятельность, соревнование и самообновление людей – социокультурная основа диалектического мышления

Универсальная сущность человека сфокусирована в «трансцендировании» субъектов, в их стремлении выйти за пределы достигнутого к новым формам и смыслам жизни. Люди, как субъекты,

стремятся осуществить, выполнить себя. Они изменяют обстоятельства в таком направлении, чтобы установился *достойный в их понимании образ жизни*. Однако с его установлением исчезает его идеализированный, романтический ореол. Бывший в воображении идеальный строй облекается в эмпирическую материю, претерпевает от нее некие деформации и превращается со временем в *обыденную повседневность*, которая становится *скудной*. Новые формы жизни окаменевают, повышается удельный вес *репродуктивного* стиля мышления и поведения. В лоне традиции вызревает *модернизация*, импульсы к *обновлению деятельности, общения и мышления*. Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся *оковами для самостоятельности и самообновления людей*. Самодетальность – имманентная форма самообновления. Существует *общесоциологическая реальная тенденция*, которую можно с полным основанием назвать *законом самообновления людей* – их чувственно-эмоциональной, душевной, духовной, социокультурной областей. Этот закон имеет биопсихические и социокультурные основы, он не сформулирован в теории, но он пролагает себе дорогу на практике в форме *качественных перемен*, возникающих «вдруг». Царская Россия цвела и богатела в 1913 году. Но уже в 1917 году монархия рухнула. Советский Союз был могуч в военном, хозяйственном, политическом отношениях. Но в 1991 году его «вдруг» не стало. За спиной революций и крутых перемен скрывается общесоциологический по охвату, *социокультурный по содержанию закон самообновления*. Повод всегда найдется. Идеального общества достичь невозможно в силу отмеченного противоречия: *то, что было достижением как первенство, становится со временем доступным и для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали*. И этому процессу *нет конца*. К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом? ... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [5, с. 476]. Абсолютное движения становления осуществляется как *обновление людей* путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в *диалектическом мышлении*. Общество, где *саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта»*, такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс

развития положен и осознан как предпосылка индивида» [4, с. 35]. Такое *процессуальное* понимание и выражает философская диалектика во всеобщей, логической форме. С позиций диалектики, заметил вслед за Гегелем Ф. Энгельс, абсолютным является процесс, а не временный результат последнего. Диалектика «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она не перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» [7, с. 22].

Диалектика есть такой тип мышления, который *адекватен инновационному* стилю жизни творцов-созидателей. Алгеброй же диалектического мышления является умение соединять противоположности *всеобщего, особенного и единичного в гармонии*. Например, чтобы разрешать противоречие между всеобщим и частным интересом, необходимо понять их общую основу, понять противоположности как выражения *одного и того же содержания, но в разных формах*. Так, труд и капитал представляются противоположностями. Однако капитал произведен от труда. Капитал есть «накопленный труд» и сам по себе не имеет иного субстрата. Поэтому противоречие между трудом и капиталом может успешно разрешаться только в пользу труда, его универсальной созидательной, креативной природы космического масштаба. Точно также обстоит дело с решением противоречий между частными интересами различных субъектов того или иного *общего дела* – будь то производство, образование, наука и др. Ведь частный здоровый интерес связан по существу с *общим интересом общего дела, из которого и надо исходить в решении противоречий*. Если же встать на точку зрения лишь *особенного*, частного интереса, то одному особенному интересу противостоит другое особенный интерес, и сознание будет видеть *только различия без внутреннего их единства*. Каждый начнет настаивать только на *своем особенном*. В итоге различия заострятся до враждебных противоположностей, до острого противоречия, которое в итоге заставит посмотреть на предмет более глубоко и увидеть за особенным всеобщее содержание, существующее через особенное, а не рядом с ним. Точно так же особенное существует не вне всеобщего, а как форма его своеобразного бытия. Именно в рамках *всеобщего (для сторон общения) содержания можно осуществить разумный творческий синтез тех противоположностей, которые ранее представлялись непримиримыми*.

Разум же самым убедительным образом явлен *для каждого в нравственности*. Нельзя жить разумно, не живя нравственно, и нельзя жить нравственно, не живя разумно. Нравственность (совесть) *всегда разумна*, ибо она есть разум в его *истинно человеческом* выражении; совесть гармонично разрешает противоречия между «моим», «твоим» и «нашим». Прогноз Гегеля, нет «только у трупа». Все живое, творческое является таковым постольку, поскольку оно «беременно» противоречием и приводит противоположности к гармонии. Важно соединить диалектику с совестью в целостном духовном акте, в котором сливаются в единство любящее сердце,

теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетическое созерцание, нравственная воля, одухотворенная вера и совесть.

Диалектический стиль мышления вновь возьмет реванш, воскреснут традиции сократовских диалогов, и Гегель вновь напомнит о себе. Обнажится и подлинное основание диалектического мышления. Обслуживать перманентное обновление в состоянии только теория творческого мышления, способного разрешать созидательно противоречия обновления. Так во весь рост станет вопрос об адекватной модели личности, о ее *субъектных* качествах.

Субъектность как личностная форма инновационного стиля жизни

Субъектность востребована функционированием гражданского общества. Государство относится к гражданскому обществу так же, как *всеобщее* содержание относится к содержанию *особенному*. Государство есть сфера всеобщих интересов. Гражданское общество – сфера частных интересов. Государство есть *учреждение*, причем, *политическое*. Оно призвано работать по программе *всенародной* справедливости – поддерживать те законные интересы лиц и корпораций, реализация которых идет на пользу всем. Гражданское общество есть совокупность *корпораций*, т.е. неполитических объединений, которые не подопечны государству, сами себя конституируют «снизу», сами ставят и решают задачи. В таком самовоспроизводстве важнейшим и являются субъектные качества.

Традиционное понимание субъекта как «носителя сознательной целенаправленной деятельности» отождествляет субъектность с *социальной дееспособностью* и является крайне общим. Раб тоже ведь был «носителем» такой деятельности. Но цели ему задавал господин. Человек, отмечалось в одной из монографий, становится субъектом лишь в той мере, в какой он включен в социальную деятельность по преобразованию и познанию внешнего мира [11, с. 153]. Подобные определения субъекта кажутся бесспорными потому, что они стали привычными. На самом деле они настолько абстрактные, что ничего не дают для типологии лиц и коллективов. Такие определения смазывают существенные различия между личностью, способной к самоопределению и нормотворчеству, самостоятельному выбору новых вариантов действия и общения, и индивидом, который вообще не догадывается о таких качествах и живет по извне навязанным стереотипам, репродуктивно. Необходимость конкретизации категории субъекта признают современные авторы. Термин «субъект», отмечает Е. В. Сайко, стал одним из наиболее употребительных, и каждый раз значение этого термина не раскрывается в «особой субъектной специфике». То же отмечает В. М. Розин: «под субъектом понимают все что угодно» [13, с. 5, 30].

Субъектность есть *высший уровень субъективности*. На этом уровне социальность представлена как рефлектированная в себя, т.е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустремленная, как знающая саму себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая форма социальная активности лиц и коллективов, которая характеризует их со стороны их способности к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству; со стороны реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей; в аспекте реальной власти над природными, психическими и социальными силами. Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, для психологии, менеджмента, права, социологии, политологии: какие качества личности следует воспитывать, какие из них особо важны для кадровой политики и повышения созидательного потенциала персонала, как распределены полномочия между людьми.

Генетически исходным в структуре субъектности является самоопределение как всеобщая форма реализации продуктивно-творческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение воли – в способность человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям; в таком случае оно превращается в духовную автономию, в самостоятельность личности. При определенных условиях самоопределение развивается в конкретное основание субъектности – в способность к нормотворчеству, т.е. в умение субъекта порождать новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, дает полномочие на суверенное конституирование той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область науки, искусства, политики, предпринимательства и др. Самоуполномочивание – это самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интеллект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно-общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства». Когда субъект смотрит на проблему с позиций общего дела, тогда его сознание наполняется емким содержанием, и он мыслит широко, чутко к перспективным тенденциям.

Исторически субъектные качества оформлялись на надындивидуальном уровне (община, род) в рамках общих, т.е. общественных законодательных и др. полномочных органов, функции которых со временем закреплялись за узким кругом лиц. Нормотворческая и законодательная функция, отделившись от функции исполнительской, получает конкретное оформление на институциональном уровне (государство, церковь, партии) и развивается

настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся для нее *оковами*. По мере демократизации общества и развития личностного начала, увеличения доли самодеятельности в труде и повседневной жизни нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самодеятельных организаций. Субъектность *деинституализируется* и превращается в *схему работы самосознания и воли* растущего большинства. Например, в нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностной субъектностью в виде *самооценки, самоконтроля, самоповеления*. В результате нравственность предстает как неинституциональная императивная саморегуляция поведения, доступная каждому. Субъектность личности предстает как интериоризация (овнутрение) законодательных функций социальных институтов. *Подлинным содержанием демократии, как и развития гражданского общества, является передача субъектных функций гражданам как для развития их самодеятельности, так и для установления меры в соотношении различных видов субъектности – на уровне индивидуально-личностном и институциональном, корпоративном и государственном*. Такое содержание присуще «демократии участия» (как это было в Афинах времен Перикла и в средневековых городах с их цехами ремесленников), а не современной *формальной* (представительской) демократии, отделяющей субъектные функции от «электората». В России народ расплывается все более из общества *соотечественников, объединенных духовно и нравственно, на собрание социальных атомов (на «электорат»)* в целях манипуляции.

Негативными крайностями является *абсолютизация* субъектности или на *уровне личности* (персоноцентризм радикального либерализма), или на *уровне социальных институтов*, будь то партия, церковь, государство (социоцентризм). Происходит нарушение социальной синергии, гармонии между мерами частей и целого. В первом случае ставка делается на права человека, на формальную демократию. Набирают силы индивидуализм, атомизация общества, многообразие ценностей без их единства, рассогласованность воли и внешних дел, индивидуальная свобода без единства лиц. Распадается социальный ранг, субординация и координация социальных институтов. Формальная демократия таит в себе со времен Платона и Аристотеля анархию и тиранию.

Во втором случае ставка делается на иерархическую организацию, на внешнее единство без индивидуальной внутренней свободы. Субъектные функции монополизуются тем или иным социальным институтом, а лица превращаются в исполнителей. Начинается всеохватная (тотальная, отсюда – тоталитаризм) регламентация мышления, поведения, потребления. Она ведет к прогрессирующему параличу инициативы и самодеятельности граждан. Их субъектные функции отмирают. Общество поляризуется на «субъекты» и «объекты», на «ведущих» и «ведомых», на «авангард» и на «массы». Но на пассивной массе далеко не уедешь. Авангард прибегает к традиционному приему: он взбадривает «массу» показным энтузиазмом – бравурными маршами, песнями, уверениями-заклинаниями о «самодеятельности масс». И

чем дольше длится показной энтузиазм, тем больше он разоблачает свою фальшь. Так общество движется к неизбежному кризису. Во всем этом характерно следующее. Граждане сами отчуждают от себя свои субъектные функции (право на самоопределение и выбор, на самостоятельность и нормотворчество) и передает их внешнему Гаранту, Инстанции, превращая ее в самодовольного Субъекта, а себя – в нечто определяемое извне. Так как право на самоопределение незаметно сосредоточивается в одной Инстанции, то возникает гипноз ее Авторитета, ее Культ. Она наделяется некоей сверхъестественной способностью быть всегда Мудрой и Справедливой. Дело теперь представляется так, что Инстанция права не потому, что она решила истинно, а потому, что она – Инстанция, а значит и права! В обеих крайностях деформируется социальная синергия.

Субъектность – слишком серьезная реальная социальная форма, чтобы сводить ее к социальной дееспособности, к способности «познавать и преобразовывать мир». Такая способность присуща и индивидам, потерявшим себя в овещенном мире.

Овещение – потеря субъектности

Овещение есть превращение личных сил и отношений в силы вещи, перенесение людьми собственной субъектности с самих себя на вещи. В результате возникает превратный, извращенный мир: отношение «междусубъектные», отмечал Г. С. Батищев, превращаются в отношения «междубъектные», продукты совместной деятельности обретают самостоятельное общественное бытие, присущее им, якобы, от их естественных природных свойств. Общественные отношения между людьми предстают для самих людей как чисто телесная связь между вещами, существующая вне и помимо воли индивидов. Происходит персонификация вещей и овещение лиц. Общественное богатство предстает не как человеческие способности, воплощенные в мир произведений, а как деньги, капитал, существующие вне «субъектного развития» людей. Мир товаров, социальных институтов и норм предстает как самостоятельная объединенная сила, диктующая сценарий жизни каждому. Индивид превращается в представителей такого мира, срastaются с ролями и-масками. В превратном мире возникает искаженное сознание – *вещный фетишизм*, т.е. надделение вещей человеческими качествами и характеристиками, будь то «товарный фетишизм», фетишизм демократии, рынка, должности, знаковых систем. Возникает сциентизм и вещная логика науки, описывающая человека, его многомерный личностный мир техницистским, анонимным языком с ценностно-нейтральной лексикой, годной для описания лишь бессубъектных вещей. Создается анонимное общество Факторов и Инстанций, целая техногенная цивилизация, в которой человеческое самосозидание вытесняется на задворки расширенным воспроизводством товаров, власти, технологий. Причем, на первый план выступает богатство не в потребительской форме и, тем более, не в субъективной (продуктивно-творческие силы человека), а в *стоимостной*. Финансовый капитал, который накапливается в банках в виде «счетных денег», существует, отмечал К. Маркс, только в представлении общества и

представляет собой «сумасшедшую» форму богатства. Производство *средств* жизни превращается в самоцель.

Этап отчуждения и овещения был *необходим*. Люди сначала объективируют свои общественные силы, фиксируют их предметно, формализуют их как нечто внешнее и тем самым создают условия для их усвоения и для своего собственного возвращения к своей подлинной социальной природе, к *непосредственно-общественным отношениям* по поводу *взаимного развития универсальной человеческой природы*, по поводу обмена, взаимного дополнения и обогащения ею.

Субъектность утверждается как достояние всех в условиях *человеческой ассоциации*. Ассоциированный человек – это человек, вобравший в себя те всеобщие по значению продуктивно-творческие силы, которые развиты коллективно в ходе истории человеческим родом. Отчуждение рассеивается тогда, когда *универсальная* по своим возможностям сущность человека становится реальным достоянием каждого. В таких условиях отношение одного человека к другому человеку есть отношение *универсальной человеческой сущности* к себе самой в ее многообразных индивидуально-личностных проявлениях. Соборность, идущая от православного христианства, преодолевает эти односторонние абсолютизации (персонализм и институционализм). Она согласует индивидуальную свободу и единство лиц, меру целого с мерами частей и обеспечивает такой согласованностью здоровое состояние психики человека, коллектива и государства, общества в целом. В обществе все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т.д. – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства» [4, с. 222].

Осторожно – радикальный либерализм!

Однако субъектность может осуществляться не только конструктивно, но и деструктивно, не только как *созидательное добро*, но и как *разрушительное зло*. Поэтому столь важен *ценностный* аспект вопроса о субъектности в экономике и политике, культуре, воспитании и праве [1 с. 105-117]. Либералам диалектика «не по зубам» потому, что они слишком *эгоистичны* и лицемерны, когда прикрывают свой эгоизм краснобайством о «свободе». Их клановый эгоизм не позволяет обрести тот единственно правильный метод мышления, который позволяет духовно созерцать и творить *гармонию противоположностей* – личного и общественного, корпоративного и государственного, человеческого и божественного. Либерализм в современных условиях акцентирует *частное* бытие людей, напирая на гражданское общество ценой умаления роли государства. Между тем человек – не только частное лицо со своими *индивидуальными* интересами, но и гражданин государства, призванный исходить из *всеобщих* народных интересов и целей. Он соединяет в себе *особенное и всеобщее* – бытие частного лица и бытие гражданина

государства. Диалектика соединения всеобщего и частного не поддается пониманию в рамках радикальной либеральной идеологии.

Современный либерализм выражает собой объективную тенденцию в мировой экономике. На Западе транснациональный финансовый капитал подчинил себе продуктивную (производительную) экономику. Все там живут в кредит, на игле банковского процента. Подчинение продуктивной экономики финансовому капиталу происходит и в России. Вуалируется это подчинение радикальной либеральной идеологией. Суть ее – освобождение от социального контроля, в первую очередь от государственного, освобождение от культуры ради психосоматических наслаждений. В России либералы освобождают от государства («разгосударствление») и экономику, и здравоохранение, и культуру и образование.

Средства массовой информации ныне в России уже освободились от культуры. Защитные меры государства по отношению к национальному производителю (протекционизм), духовное единение народа, национальная культура, патриотизм, религия объявляются идеологами «мировых деньгодателей» архаикой, устаревшим традиционализмом, пережиткам и тоталитаризма и т.д. и т.п. Финансовый международный капитал поражает национальные истоки культуры, гасит чувство дома и Родины, разлагает национальное самосознание, служение Отечеству, насаждает космополитизм и толерантность ко всему и вся, многообразную глобалистику, вырывающую человека из лона национальных традиций. Зачем он это делает? Ему нужна свобода функционирования в планетарном масштабе. Вот он и разлагает все защитные меры национальных государств. Ибо он – абсолютный космополит. Деньги интернациональны. Это его тошнит от Бога и Родины. Его идеал – отсутствие вообще государственных границ и «новый мировой порядок» с единым мировым правительством и единой армией, с единым рынком сырья, капиталов и рабочей силы. Ему нужно безнациональное население с космополитическим сознанием, способное прожигать на любых широтах и меридианах в качестве «граждан мира» с усредненным стандартом потребления, мышления и поведения. Люди-кубики, как инкубаторские цыплята, были бы идеальными потребителями. Всемирный финансовый капитал формирует соответствующую себе социальность не потому, что у него злая воля, а потому, что у него космополитическая социальная сущность, из которой часто следует и злая воля. Ныне финансовый капитал, отменал авторитетный политолог и философ А. С. Панарин, отделяется от производящей экономики, спекулятивная прибыль вытесняет предпринимательскую, банк господствует над предприятием, международная диаспора финансовых спекулянтов – над нациями, теряющим и экономической суверенитет. Этика глобализма – *отстраненность* экономических элит от местных национальных интересов, подъем нового ростовщичества. Глобалисты «всеми силами стараются ослабить и дискредитировать национальное государство», осуждают запрет на беспрепятственный вывоз капитала за границу [12, с. 9]. Современный либерализм защищает не предпринимателей, а финансовых спекулянтов [12, с. 10]. Он озвучивает заветные устремления

финансового капитала, ставшего в наше время по существу *паразитическим*. Новому поколению эта идеология предлагает особый образ жизни: *максимум удовольствий, минимум усилий*; подальше от труда, поближе к наслаждениям; поменьше терпения, служения, верности и побольше претензий получить все сразу («здесь» и «теперь»). Либеральная идеология воспитывает гедониста-потребителя, у которого притязания не поднимаются «выше пояса» и угасает интерес к культуре. В России искусство вытесняется коммерческими зрелищами, художник – «шоуменом», духовные радости – телесно-чувственными вожделениями, культура – техникой жизни без святынь. Либералы подобны царю Мидасу. Последний был наказан тем, что все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Все, к чему прикасаются авторы либерализма, превращается в деградацию и пошлость. Пошлость – это подмена высшего низшим. Пошлость – визитная карточка либерализма. На сцене МХАТа уже звучит мат. Торжествующая пошлость вуалируется *имитацией* культуры. За период «реформ» либералы без войны и мора довели продуктивную экономику до пепелища. Если доктрина либерализма в XVIII веке имела положительное значение тем, что обосновывала свободу продуктивного предпринимательства от феодальных пут и привилегий, то в конце века минувшего, эта доктрина подобна «старушке легкого поведения»: романтика Просвещения XVIII века развеялась, духовный заряд культуры иссяк, потухла вера в Дело великое и прекрасное; из-за *неэквивалентного* товарообмена со странами третьего мира, из-за иммиграции *дешевой* рабочей силы в страны «золотого миллиарда» угасли импульсы к созиданию и творчеству; остался соблазн жить на банковский процент, на доход от финансовых пирамид, от надувательства туземных либералов. Вот и лежит «старушка» в «грязи» техногенной цивилизации и выдает эту грязь за комфортную перину, соблазняя простаков свободой от совести, от «репрессивной культуры», от традиции, от достоинства, чести и любви.

Современный либерал-радикал – рыночный человек. Он сводит все ценности, все социально значимое – к *деньгам*. Он ошибается все, чтобы низвести высокое (любовь, достоинство и др.) до *товара*, до рыночной цены. Все на продажу – его девиз. Либералы завели свой особый «социальный дизайн», с помощью которого они проталкивают слуг деньгодателей на любые посты власти. Будущего кандидата они продают электорату так же, как сбывают свой фальшивый товар на рынке, используя рекламу, имиджмейкеров, своего рода «фальшивомонетчиков». Выражение «рыночная экономика» разоблачает либералов как *обслужу менял-посредников* в экономике. Экономика включает *производство–обмен–распределение–потребление*. Рынок и есть стадия обмена. Но чтобы обменивать товары, надо их *произвести*. Но нашим либералам до этого нет дела. Не случайно, либеральные СМИ не акцентируют *этику труда*, а приковывают внимание к *сбыту и потреблению* товаров, к удовольствиям без труда. Либерализм в России на протяжении последних двухсот лет обнажил ясно, как на ладони, свою полную теоретическую и практическую несостоятельность; его не следует брать всерьез в любом общественно важном деле, особенно в воспитании, из-за неумения к созиданию.

Диалектика синергии

В общественном процессе оптимальным является *согласование меры целого с мерами частей*, т.е. социальная синергия – слияние энергий, соучастие, сотрудничество, кооперация совместных усилий. Такая согласованность обеспечивает здоровое состояние общества и человека, гражданина и государства, личности и коллектива. Здоровье есть, по определению ЮНЕСКО, телесное, психическое и социальное благополучие. *Здоровье выражает гармонию целого и частей*. Болезнь, регресс, начинается тогда, когда *часть обособляется от целого и претендует на его роль*. В итоге гибнет целое, гибнет и часть со своими претензиями. Так раковая клетка убивает организм, эгоизм подтачивает коллектив, а верховенство прав человека над правами народа на его землю, историю и культуру разлагает нравственность, правосознание и государство. В России народ выстрадал закон социальной синергии. Народное сознание всегда оценивало, вопреки персонистским либеральным концепциям, как положительные ценности любовь, дружбу, товарищество, сотрудничество, взаимопомощь, солидарность, патриотизм, соборность, государственный подход с позиций целого, самоотверженность ради общего дела. И, наоборот, гордыня, эгоизм, тщеславие, местничество, сепаратизм, раскол всегда осуждались народом как великое несчастье, как болезненное состояние. Социальная синергия, понимание проблем с позиций общего дела резко *расширяет горизонт сознания: ориентирует личность избирать ценности не только потому, что они хороши для нее, но в первую очередь потому, что они хороши сами по себе, являются объективно лучшими по своим качествам, и в силу именно таких качеств они достойны признания не только данной личностью, но и другими людьми; стать полем общего согласия и сотрудничества, взаимного понимания и доверия, служения и верности*. Так сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержаний и углубляется в их всеобщую основу. Социальная синергия есть одно из выражений гармонии и совершенства: человек претерпевает некоторое отрицание своего своемерия и своеволия, чтобы *утвердить себя субъектом общего дела в составе целого*. В общем деле он не теряет, а *обретает существенные личностные качества, осуществляя себя не в пустяках, курьезах и ерунде, а в делах общеинтересных и общезначимых*. *Диалектика синергии – это гармония всеобщего, особенного и единичного*.

Значение субъектных качеств будет неуклонно возрастать по мере вытеснения *техногенной цивилизации антропогенными установками культуры*, и, соответственно, схемы буржуазного вещного производства Д–Т–Д' схемой расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*. Процессы самодейтельного обновления социальных форм («инновационные процессы») записывают в головы людей диалектическое мышление. Диалектика – адекватная форма разумного мышления креативной личности и инновационного стиля жизни.

В подготовке специалистов принципиальное значение имеет воспитание субъектности личности и диалектического мышления, способного творчески соединять противоположности в гармонию, будь то традиции и их обновление, интересы частные и общественные, корпоративные и государственные.

Субъектность личности, помноженная на патриотизм и чувство личной принадлежности национальному духу и культуре народа, на достоинство гражданина государства Российского, на профессиональную должную подготовку, на сверхклассовую братскую солидарность и на универсалии культуры – вот тот *человеческий капитал*, который позволит новому поколению вывести наше Отечество из глубокого кризиса на уровень великого исторического ранга России в культуре, государственном строительстве и хозяйстве. И этот «капитал» мы, педагоги, призваны приумножать изо дня в день. Остальное приложится. При такой «инвестиции» России не нужны иностранные инвесторы.

Литература

- 1 Гончаров С. З. Опыт понимания духовности с позиций аксиологии совершенства И. А. Ильина (К 120-летию со дня рождения мыслителя) // Образование и наука. Известия Уро РАО. 2003, № 4 (22).
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
3. Косарева Л. М. Предмет науки. М., 1977.
4. Маркс К., Энгельс Ф.: Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 2.
5. Маркс К., Энгельс Ф.: Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
6. Маркс К., Энгельс Ф.: Соч., 2-е изд. Т. 42.
7. Маркс К., Энгельс Ф.: Соч., 2-е изд. Т. 23.
8. Маркс К., Энгельс Ф.: Соч., 2-е изд. Т. 47.
9. Маркс К., Энгельс Ф.: Соч., 2-е изд. Т. 32.
10. Маркс К., Энгельс Ф.: Соч., 2-е изд. Т. 49.
11. Материалистическая диалектика. М., 1980.
12. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003.
13. Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.–Воронеж, 2001.

И.Е. ШКАБАРА

ИДЕИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИЙСКОМ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Одной из насущных задач гуманитарного воспитания является *духовно-нравственное* воспитание личности, истоки которого лежат в традиционном духовном воспитании, характерном для русской педагогики. Внимательное отношение к педагогической мысли России, которая представляет собой оригинальное явление мирового и российского масштаба в силу того, что тема личности, её становления и духовного совершенствования являлась в ней центральной с самого момента появления, имеет большое значение для понимания и развития идей нравственности и духовности в современной жизни. Русские мыслители в основном не оставили специальных трудов по теории педагогики, однако в их сочинениях представлена целостная система